Ника Лунара

НАША ДЕВОЧКА-3

18+

Любовь не подчиняется правилам

Ника Лунара

Наша девочка – 3

«Автор»
2026

Лунара Н.

Наша девочка – 3 / Н. Лунара — «Автор», 2026 — (Любовь не подчиняется правилам)

Прошлое не умирает до конца, оно лишь затаивается, чтобы однажды вернуться жгучей болью и проверить на прочность всё, что было построено с таким трудом.Алина наконец обрела долгожданный покой рядом с теми, кто стал для неё всем. Но призрак из прошлой жизни рушит эту хрупкую идиллию. Никита, которого все считали погибшим, возвращается не тенью, а угрозой. Он готов забрать её в свой мир, не считаясь с правилами, законами и чужими чувствами.Кирилл и Артём готовы на всё, чтобы защитить свою девочку, но их собственная ревность и вечное противостояние лишь расшатывают стены их общего дома. Оказавшись между двух огней и вновь затянутой в орбиту опасного, надломленного человека, Алина должна сделать выбор.Готовы ли вы заглянуть в бездну, где любовь граничит с одержимостью, а путь к свету требует невероятной смелости и милосердия?

© Лунара Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 7
Глава 3. 9
Глава 4. 14
Глава 5. 18
Глава 6. 21
Глава 7. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Ника Лунара
Наша девочка – 3

Глава 1.

После тёплого ужина в ресторане, наполненного смехом, поздравлениями и лёгким вином, компания разошлась, и Алина вернулась домой. Внутри царила мягкая тишина, только приглушённый свет ламп и уют, созданный руками Кирилла и Артёма. Они сидели вместе на диване, окружённые подарками, словно на маленьком островке праздника, где было тепло и спокойно.

— Пора открывать подарки, — улыбнулась Алина. Её глаза сияли радостью.

Парни с интересом смотрели на коробки, одни были яркие и нарядные, другие — скромные, в простой обёртке. Они распаковывали их по очереди, перебрасываясь шутками и лёгкими подколами. Улыбка не сходила с её лица, и всё казалось почти волшебным. Всё казалось завершённым — день, полный света и любви. Только тени прошлого редко спрашивают разрешения, чтобы вернуться.

Одна коробка выделялась — без надписи, обёрнутая в плотную бумагу и перевязанная шершавым бантом. Алина взяла её в руки и чуть нахмурилась.

— Кто-то забыл подписать, — пробормотала она, развязывая ленту.

Внутри лежала изящная статуэтка: принцесса Жасмин в бирюзовом наряде, с волнистыми волосами и удивительно живыми глазами. На шее принцессы — тонкая цепочка с кулоном.

Кирилл и Артём переглянулись.

— Это кто? — спросил Кирилл, поднимая брови.

— Жасмин, — тихо ответила Алина. — Никита так меня называл...

Голос её стал тише, а сердце забилось быстрее.

В этот момент завибрировал телефон. На экране высветилось сообщение от неизвестного номера:

«*С днём рождения, Жасмин. Моя кончина была убедительной, не правда ли? Скучаешь?* »

Всё внутри Алины сжалось. Никита — дерзкий байкер, которого давно считали погибшим в уличной аварии, словно призрак, возвращался.

Кирилл резко напрягся. Его взгляд стал острым, напряжённым.

— Никита? — выдохнул он. Словно не верил, но уже понимал.

Артём побледнел, руки сжались в кулаки.

— Мы же видели... всё. Новости, фото с места аварии... — его голос был глухим, но в нём скользнуло сомнение.

Прошлое возвращалось не тенью — угрозой.

Кирилл аккуратно коснулся Алины за руку, пытаясь её успокоить.

— Наверное, кто-то решил сыграть на воспоминаниях. Странная шутка, но Никита... он мёртв. Мы это видели, это факт.

— Да, — поддержал Артём, пытаясь говорить мягко. — Это просто совпадение. Кто-то нарыл старую информацию, имя... возможно, даже знал о прозвище, но не более.

Алина кивнула, но тревога её не отпускала. Взгляд упал на кулон на шее Жасмин — сердце, обвитое знаком бесконечности. Она сняла его, прижала к ладони: холодный металл будто пульсировал в такт её страху.

— Что это за кулон? — спросил Кирилл.

— Я никогда его не видела, — прошептала Алина.

— Он... слишком личный, — нахмурился Артём. — Слишком в его стиле. Сердце и знак бесконечности — это как будто...

— ...как будто это невидимая нить — тонкая, прочная, с петлёй на конце, — закончила она. — И это про контроль. Он оставил метку.

Наступила тишина. Кирилл встал, отошёл к окну. Артём, словно чувствуя, что сейчас Кирилл произнесет что-то, что не должна услышать их девочка, подошёл к Кириллу и встал рядом. Алина в это время подняла кулон к свету, вглядываясь в его узор, будто искала в металле ответ.

Кирилл тихо, не оборачиваясь, сказал:

— Мы не можем это игнорировать, если он жив и рядом — всё только начинается.

Артём кивнул:

— Мы не дадим ему добраться до неё ни через подарки, ни через символы, ни через прошлое.

***

— Ты видел её лицо... — сказал Кирилл, — когда прочитала это сообщение.

— Видел, — коротко ответил Артём. — Губы побелели. Еле держалась, чтобы не разрыдаться, как будто её ударили изнутри.

— Она боится и правильно делает, — Кирилл говорил сдержанно, но в голосе слышалась тревога. — Потому что если это правда...

— Это правда, — перебил Артём. — Никита. Стиль, давление, время. Он умеет вылезать в самый уязвимый момент.

— Мы поверили в его смерть, потому что так было проще.

— А он, возможно, просто исчез. Пережидал, наблюдал, готовился.

— Полиция?

Артём бросил быструю усмешку.

— С чем? Подарок и СМС? Без доказательств это бред. Он псих, но не идиот. Следов не оставит.

Кирилл напрягся.

— Значит, охрана?

— Камеры, наблюдение, люди. Я свяжусь с теми, кто умеет работать тихо.

— Из серой зоны?

— Да, но эффективные. Если он решит появиться лично, мы должны быть готовы.

Кирилл кивнул. Потом замер.

— Алине говорить?

— Пока нет. Скажем — профилактика. Пусть чувствует, что всё под контролем. Если расскажем, она может сорваться или решит пойти навстречу к ему из жалости или ностальгии.

— Она не такая, — резко возразил Кирилл.

— Она стала другой, — ответил Артём. — И ты это знаешь. Кулон тронул в ней что-то.

Кирилл закрыл глаза, будто на миг хотел исчезнуть.

— Завтра займёмся, с утра.

— Завтра может быть поздно, — сказал Артём.

Где-то за стеной скрипнула кровать. Алина перевернулась во сне.

Мужчины замолчали.

— Мы её не отдадим, — тихо сказал Кирилл.

Артём посмотрел в окно.

— Если только она сама не решит иначе.

Глава 2.

Утро было обманчиво спокойным. Свет мягко заливал комнату, воздух был наполнен запахом кофе и чего-то вкусного. Кирилл, как всегда, встал первым. Артёма рядом тоже не было. Алина потянулась, зарылась в подушку... и не сразу вспомнила о странном сообщении, кулоне, о призраке из прошлого.

Сознание пробудилось полностью, и тут же всплыла в памяти принцесса Жасмин, цепочка с кулончиком... Она резко села в кровати.

«Это был не сон».

В гостиной хлопнула дверца шкафа. Послышались шаги, голоса. Кирилл и Артём говорили вполголоса, но в воздухе чувствовалась тревога.

Алина вышла босиком, в длинной рубашке. Они стояли у окна, оба с телефонами, сосредоточенные, с тревожными тенями на лицах.

— Доброе утро, — хрипло сказала она.

Они обернулись почти синхронно, улыбнулись.

— Доброе, — отозвался Кирилл, ставя чашку на стол. — Я сварил кофе. Хочешь?

Алина кивнула. Что-то в их лицах подсказало: они уже обсудили всё, без неё.

— Вы рано... — она села. — Не могли уснуть?

Артём бросил взгляд на Кирилла, потом на неё.

— Да. Беспокойная ночь.

Кирилл поставил перед ней чашку, мягко коснулся плеча:

— Мы подумали, что стоит усилить безопасность. Камера у входа, сигнализация. Артём связался с людьми, они уже в пути.

Алина замерла.

— Вы думаете, он... где-то рядом?

— Мы не уверены, — быстро ответил Кирилл. — Но не хотим рисковать, лучше перестраховаться.

Алина сжала ладони, голос стал тише:

— А если он просто хотел сказать, что жив? Без угроз?

Артём смотрел на неё долго:

— Люди, инсценирующие свою смерть, не делают это ради дружеского привета.

Он шагнул к планшету, вывел на экран схему.

— Камеры будут не только у ворот. Под лестницей установим автономную. Без единой точки доступа — никакой общей системы.

— Ни одной лазейки, — подтвердил Кирилл. — Он не дойдёт даже до калитки.

Всё уже было решено до того, как она проснулась. Пока спала, они успели организовать охрану, систему наблюдения, проверку оборудования. Они действовали быстро. Слишком быстро, словно уже сталкивались с угрозой.

Кирилл не отходил от ноутбука, постоянно вёл переговоры: охрана, техника, схема наблюдения. Артём возился в гараже: то сверлил, то тянул проводку, то исчезал на заднем дворе.

Алина ходила по дому, как в тумане. Старалась быть полезной: вытирала полки от пыли, собирала посуду, раскладывала остатки еды, но движения давались с трудом. Сознание пульсировало где-то за пределами настоящего.

Иногда она замирала у окна, глядя в лес. Прислушивалась, не шаги ли на гравии? Однажды ей показалось, что в зарослях промелькнула тень... Но это был соседский кот.

На обед они снова собрались втроём. Кирилл разогрел лазанью, налил вина. Пытались говорить о постороннем — про фильм, про смешной подарок от коллег. Алина кивала, но не улыбалась.

После еды она разобрала подарки и сложила в угол гостиной. Все — кроме одного.

Коробочка без подписи не отпускала. Она долго вертела её в руках... Потом, будто извиняясь даже перед собой, убрала в нижний ящик комода к прочим безделушкам.«На всякий случай. Пусть пока полежит».

***

Поздний вечер. Дом утонул в полутьме. Из кухни доносились голоса мужчин — негромкие, перемешанные с бульканьем кофеварки и стуком посуды. Они обсуждали, как защитить её, что делать дальше, а она не слушала.

Алина прошла мимо гостиной. В углу всё ещё лежали неразобранные подарки: какие-то в упаковке, какие-то без. Рядом — открытки, ленточки...

Она остановилась, открыла нижний ящик комода. Там, в углу находилась неприметная коробочка без подписи. Алина сначала просто смотрела, потом медленно достала, открыла. Жасмин в бирюзовом платье. Глаза, будто знающие слишком много. На шее — кулон. Алина сняла его, прохладный металл лёг в ладонь: сердце, обвитое знаком бесконечности. Кулон будто пульсировал — слабо, но ощутимо, как предчувствие.

Почему я дрожу? Не только от страха. Почему моё сердце знает, что он вернётся? Почему часть меня ждёт этого?

Она поднесла кулон к свету. На внутренней стороне оказалась гравировка. Почти незаметная: *«Ты — моя бесконечность. Н.»*

Мир будто замер. Алина стояла одна в полутёмной комнате с кулоном в руке и чувствовала, будто чей-то голос уже звучит у неё за спиной: тёплый, жуткий, слишком знакомый.

Глава 3.

Утро выдалось ясным, но холодным. Небо было слишком голубым, трава слишком зелёной. Всё казалось неуместно живым, будто мир ещё не понял: что-то надвигается.

Алина сидела на онлайн-сессии с психологом. Женщина на экране, лет сорока пяти, в мягком свитере, с ясным, спокойным взглядом, казалась укоренённой, как дерево. Рядом с ней тишина будто не давила, а удерживала, будто защищала.

— Вам страшно? — спросила она тихо.

Алина кивнула.

— Да, но не тем страхом, как в фильмах. Это... как будто где-то глубоко работает мотор тревоги. Тихо, но без остановки.

— Эти чувства связаны с конкретным человеком?

— С Никитой. — Она выдохнула. — Мы почти не общались, но у меня всё время было ощущение, будто он зашёл дальше, чем должен.

— Расскажите, что вы знаете о нём.

Алина отвела взгляд. Говорить было неловко, будто она выдавала чужую тайну, которой не хотела владеть.

— У него тяжёлое прошлое. Мать — срывы, психиатрия; отец ушёл. С девяти лет жил почти на улице. Потом условка за драку, байкерские тусовки, подполье, какие-то связи с криминальными людьми, неформальные группировки, видео с насилием... Артём нашёл о нём досье... там всё это было.

— А лично Никита что рассказывал?

— Почти ничего. Он больше наблюдал. Смотрел, будто уже всё про меня знал. Один раз сказал: «Ты такая же, как она. Только тебя ещё можно спасти».

— Она?

Алина чуть сжалась.

— Думаю, он имел в виду свою бывшую, Кристину. Её убили, жестоко. Он не говорил прямо, но всё, что делал, похоже на попытку исправить то, что не смог тогда.

Психолог долго молчала, затем кивнула.

— Возможно, он перенёс вину на вас или зафиксировался не на личности, а на возможности, на шансе сделать всё иначе.

— Но ведь у нас не было отношений, — прошептала Алина. — Я ему ничего не должна.

— Чтобы стать частью чужой травмы, не нужно быть близкими, иногда достаточно просто напомнить.

Алина тихо усмехнулась.

— Он никогда не говорил, что любит. Но всё, что делал... как будто верил, что спасает.

— Это не забота, Алина, — мягко сказала психолог. — Это насилие, завёрнутое в миф о спасении. Он действует не из любви, а из боли и потребности контролировать хоть что-то в этом мире.

— И это «что-то» — я?

— Не вы, а ваш образ. Он придумал его и держится за него, как за спасательный круг.

Алина опустила глаза.

— Но часть меня всё равно ждёт, что он появится, — тихо сказала она.

— Это не вина, а симптом, — ответила психолог. — Связь с тем, кто пугает и притягивает одновременно. Она не истина, просто след от боли.

Алина кивнула.

— Я его не боюсь. Он никогда не кричал, не давил. Просто приходил. Садился рядом, молчал. Но так, что в этом молчании было больше смысла, чем в словах.

Психолог взглянула внимательнее.

— Именно в этом и опасность. Он не пугает, он успокаивает. Ты начинаешь чувствовать себя в безопасности там, где тебя медленно подчиняют.

— Я чувствовала, будто он видит меня насквозь. Не снаружи, изнутри. Рядом с ним я дышала... будто наконец стала собой.

— Это иллюзия контроля, — ответила психолог. — Его молчание — инструмент. Он не говорит, потому что управляет ощущением.

— Это плохо, что я чувствую свободу рядом с ним?

— Нет. Это честно и очень по-человечески. Есть люди, которые действуют как наркотик, точно подстраиваются под боль. Они не угрожают, они ждут.

Алина сжала пальцы.

— Но он ведь ничего не делает, не пишет, просто где-то рядом. Как охранник, а не охотник.

— Это не делает его безопасным, — спокойно сказала психолог. — Вы чувствуете покой в его тени. Но кто сказал, что эта тень всегда будет неподвижна? Если он решит, что вас «забирают», может ударить. Не по вам — по ним.

Алина вздрогнула.

— По Кириллу? По Артёму?

— Возможно. Он может решить, что они держат вас в клетке.

Алина молчала.

— Но он ведь просто... есть, как дыхание где-то за спиной. Не страшно, наоборот, легче.

— Это и есть связанная угроза, — объяснила психолог. — Когда чувство опасности ассоциируется с защитой. Когда тот, кто может ранить, кажется единственным, кто способен уберечь.

Экран телефона мигнул. Новое сообщение. Алина машинально взглянула и застыла.Номер неизвестен. Текст короткий:

«Ты не одна. Я рядом. Они не поймут, зачем я здесь.

Но ты — поймёшь. Я не наврежу.

Я — твой воздух. Дыши. Просто дыши.

— Н.»

Алина сжала телефон. Внутри будто прошёл холодный ток: не боль, не ужас, а ощущение, что кто-то только что коснулся её изнутри.

— Это он, да? — спросила психолог.

Алина кивнула.

— Он рядом. И мне... почему-то легче.

— Что вы чувствуете сейчас?

— Что это ненормально, — тихо сказала она. — Но часть меня всё равно хочет верить.

— Это не любовь, Алина. Это зависимость от боли.

— Но он не злой, не чудовище. Просто... потерянный человек. Если бы кто-то тогда выслушал его, может, всё было бы иначе.

— Возможно, — кивнула психолог. — Но вы не обязаны его спасать. Спасение работает, только если оба идут к свету. Если один тянет вниз, вы утонете вместе.

Алина кивнула.

— Он очень хочет быть нужным, но делает это так, что все бегут.

— Потому что путает нужность с контролем, — ответила психолог. — А контроль — это не связь, это страх потерять.

Алина сжала руки, потом вдруг подняла взгляд:

— Знаете, что странно? Когда Кирилл с Артёмом разговаривали с ним — ну, пытались выяснить, кто он, зачем он появился, он их провоцировал, очень жёстко. Выводил на эмоции, говорил гадости, играл словами, но он ни разу...

— ...не тронул их, — закончила психолог.

Алина кивнула.

— Ни одного удара. Ни попытки напугать физически. Хотя, я уверена, он умеет.

— Это важное наблюдение, — тихо сказала психолог.

— О чём это говорит?

— О внутреннем кодексе, — ответила она после паузы. — Даже у разрушенного человека может быть своя этика: система «кого можно», «кого нельзя». Возможно, он не боится Кирилла и Артёма, но считает их не главной мишенью. А может он держит себя, чтобы не потерять вас окончательно.

Алина задумалась.

— То есть он опасен, но контролируемо?

— Пока да. Но контроль, основанный на чувствах, нестабилен. Вы для него якорь, и в то же время буря. Если он почувствует, что вы уходите, он может сорваться или исчезнуть. Всё зависит от того, что он сам сочтёт предательством.

Алина перевела дыхание, взгляд скользнул в сторону.

— А если я хочу понять его?

— Тогда слушайте, когда придёт момент, — сказала психолог. — Но не теряйте себя и не пытайтесь лечить того, кто не хочет быть вылеченным.

Алина усмехнулась, но без улыбки.

— Он так хочет быть нужным, но делает всё, чтобы оттолкнуть.

— Потому что путает нужность с контролем, — вновь повторила свои слова психолог.

***

Тем временем Кирилл был в участке. Местный отдел полиции выглядел точно так же, как и двадцать лет назад: облупленные стены, чайник с известковым налётом, старый системный блок, гудящий под столом. Кирилл сидел на жёстком пластиковом стуле, скрестив руки.

Перед ним — мужчина лет под пятьдесят, с серыми мешками под глазами и выражением хронической усталости. На бейджике значилось: «Майор Лисов».

— Нам нужно посмотреть список людей, которые могли получить доступ к личной информации, — повторил Кирилл. — К персональным данным, адресам, базе водительских прав, социальным аккаунтам, справкам. Всё, что хоть как-то связано с Никитой и Алиной.

Майор не смотрел на него, он крутил в руках ручку, как привык крутить бесконечно одни и те же пустые жалобы.

— Вы сами подтвердили, — сказал он, не поднимая глаз, — что Никита Серов официально мёртв. Есть заключение экспертов по ДТП, обгоревшее тело, совпадение ДНК.

Кирилл сдержанно кивнул.

— Да. Только он, видимо, не в курсе, потому что пишет ей СМС. Подробные, эмоциональные, с фразами, которые никто другой знать не может. Он знал, где она будет справлять день рождение и оставил ей подарок.

Майор приподнял брови.

— Угрозы?

— Пока нет.

— Тогда, простите, мы не можем завести дело.

Кирилл нахмурился:

— Почему?

— Нет состава. Ни угрозы жизни, ни насилия, ни проникновения в жилище. Никаких оснований. Даже если вы уверены, что это он — всё, что мы можем сделать сейчас, это принять заявление и закрыть папку. Потому что, по бумагам, Серова не существует.

Кирилл смотрел на него, как на часть системы, которая умеет только стоять в стороне.

— Послушайте, он давно не дурак. У него есть навыки скрываться, он мог получить доступ к досье, к цифровым архивам, к аккаунтам и если он пишет ей, он уже нашёл способ обойти всё, что вы считаете безопасным.

— Мы проверим активность по номеру, — вздохнул Лисов. — Но если там виртуальная симка или VPN, найти его будет практически невозможно.

Кирилл встал.

— Пока вы ищете сигналы, он может уже сидеть в соседнем доме. А если мы дождёмся угрозы?

— Тогда, возможно, будет поздно, — сказал Лисов. И тут же пожал плечами: — Я понимаю вас, правда. Но без фактов, без угроз, без физического контакта это не дело, это догадка.

— Это не догадка. Это началось. И если вы не отнесетесь к этому всерьёз... кто-то пострадает.

Майор развёл руками.

— Оставьте заявление. Мы зафиксируем.

Кирилл подошёл к стойке, заполнил бланк, подписал, подал. Всё как положено. Только уже знал — бесполезно. Он вышел из участка, не попрощавшись, и, захлопнув дверь, тут же набрал номер.

— Глухо, — сказал в трубку. — Всё по регламенту. Не угроза — значит, нет дела. Заявление приняли и положили в стол.

— Я уже всё уладил, — голос Артёма на том конце прозвучал коротко и жёстко. — Люди наготове. Организуем сеть и поймаем его сами.

— Тихо?

— Без лишних вопросов и без огонька. Пока.

Кирилл на секунду закрыл глаза.

— Пока.

Он убрал телефон и сел в машину. На панели мигнул красный сигнал — «низкий уровень топлива». Кирилл не заметил, он смотрел вперёд и знал: теперь они действуют сами.

***

Артём стоял на заднем дворе, между гаражом и высокой туей. Он курил, медленно затягиваясь, как будто дым мог хоть немного приглушить внутреннее напряжение.

Телефон поднесён к уху. Он чертил носком ботинка на гравии какую-то линию — привычка, которая осталась ещё с курсов выживания.

— Он мог быть на том ралли? — спросил он наконец, негромко. — Тот, кого в протоколе вписали как «неизвестный гонщик». Без документов, с фальшивыми номерами. Это мог быть он?

На том конце провода — хриплый, обкуренный голос, как будто насквозь пропитанный моторным маслом и десятками ночей на шоссе.

— Мог.

И если это он, значит, он не просто вернулся. Он проверяет, кто будет искать и как. Артём сжал пальцами корпус телефона.

— Я найду его.

— Ты не найдёшь его первым, — ответили спокойно. — Он уже нашёл вас.

Повисла пауза. Гудок мотора где-то внизу напомнил о близости дороги. Артём закурил вторую.

— Мне нужен список всех, кто участвовал в подпольных гонках за последние два месяца. Неофициальных. Всё, что не в базе.

— Уже работаем, но таких людей не ищут, они ищут сами. Никита всегда играл на опережение. Даже в 2023-м, когда мы думали, что его закроют, он вышел через три дня, потому что просчитал всё.

— Значит, мне нужно просчитать его.

— Ошибаешься, Арт. Тебе нужно стать непредсказуемым. Он играет против алгоритма. Не лезь на рожон, он не терпит прямолинейных.

Артём затушил сигарету об металлический край ограждения. Пепел рассыпался, как крошечная угроза.

— Ты боишься его?

— Я уважаю его, а это хуже.

— Мне плевать, — бросил Артём. — Он тронет её, я порву ему горло.

— Он не тронет её. Он ждёт, когда она сама сделает шаг или ошибётся. И ты знаешь, что она может.

Артём закрыл глаза. Один вдох. Один выдох.

— Тогда мы не дадим ей ошибиться.

Он сбросил звонок, открыл хранилище в гараже, ввёл код и достал планшет. На экране открылась схема поселка с камерами, точками доступа и периметром. Он начал расставлять «слепые зоны», обозначая те участки, куда не дотягивалась штатная система. Артём больше не верил в штат.

Глава 4.

Сигарета тлела, почти не дымя. Никита сидел на бетонной плите, в тени давно заброшенной заправки, и смотрел в ночь. Из труб торчала арматура, как сломанные пальцы. Далеко внизу горели огни. Посёлок. Там, где она.

Он бывал здесь часто. Не жил, а возвращался. Место цепляло чем-то своим: тишиной, высотой, ощущением забвения. Никто сюда не заходил. Никого не интересовало, что осталось от этой развалюхи у трассы, а ему было нужно именно такое место, где можно просто смотреть. Сюда он приходил, когда не знал, куда девать себя, когда нужно было быть рядом, не подходя близко.

Он затянулся не в удовольствие, а по привычке. Курево было дешёвое, руки покрывала тонкая пыль, как всегда. Чисто, но не вымыто. На плече висела старая кофта, и запах гари накрепко въелся в ткань. Он вспомнил ту ночь.

На трассе творился ад, рваный и ослепительный, с хрипом металла и запахом горящей резины. Машины складывались в груды искорёженного железа, искры летели, как пули, а воздух дрожал от жара.

Никита стоял на обочине, оцепенев. Под ногами хрустел гравий, плечо жгло — выбито, губы разбиты, дыхание срывалось. Его выбросило из машины, метрах в десяти. Он не сразу понял, что жив: просто стоял, слушал, как что-то трещит, дышал и не чувствовал собственного тела.

Витёк остался внутри, он был за рулём. Напарник, с которым Никита прошёл сотни ночных трасс. Угрюмый, надёжный, из тех, кто не задаёт вопросов. Пять лет — как одна дорога.

Сегодня вести должен был Никита. Машина оставалась на нём, а документы лежали в бардачке. Всё просчитано, всё по плану. Но в последний момент он вдруг сказал:

— Ты сядь. Я посмотрю со стороны.

И Витёк сел.

Никита не сразу понял, что забыл документы, думая, будто оставил их в рюкзаке, как всегда. Витёк ничего не проверил. Теперь кузов пылал, крыша обугливалась, и вдруг он увидел рядом с машиной свой чёрный кожаный бумажник. За рулём сидела объятая пламенем фигура.

Гонка была оформлена на имя Никиты Серова, а за рулём находилось сгоревшее тело. Значит... мёртв он, Никита Серов, и его имя завтра появится в сводках. Тогда в голове Никиты вспыхнула холодная, ровная мысль, подобная пулевому попаданию в затылок: «Это шанс. Исчезни. Никто не будет искать Витька. А Никиту похоронят». Это не побег, а настоящее перерождение.

Вокруг всё ещё гудел хаос. Дымились машины, сирены надрывались, воздух был густ от гари и крика. Кто-то звал по имени, кто-то рыдал, кто-то снимал на телефон, но Никиту никто не заметил, никто не знал, что он был здесь.

Он поднялся, пошатнулся, достал из рюкзака второй телефон, цепочку, карточку — всё, что могло выдать, кем он был. Положил рядом с машиной. Не бросил — положил. Аккуратно, как крест на могилу. Потом вытер лицо рукавом. Дым, пепел, кровь — всё смешалось. Он посмотрел на огонь и отвернулся.

В ту ночь Никита Серов сгорел, а тот, кто вышел из огня, уже не был им.

Он шёл в темноту без страха. Теперь у этой тьмы было имя и своя игра. В мире, где Никита мёртв, можно быть кем угодно — тенью, эхом, дыханием за спиной. Можно смотреть и оставаться невидимым. Можно жить без права быть найденным. Он перешёл черту и впервые за долгое время почувствовал, как бьётся сердце. И это был удар не от страха, а от самой жизни.

***

Никита шёл всю ночь, сначала по просёлочной дороге, потом вдоль железнодорожных путей, где трава липла к ботинкам, а шаги будто тонули в сырости. В голове звенело от боли и выжженного воздуха, но тело шло само, из необходимости.

К рассвету он добрался до места, которое когда-то сам выбрал: старый сарай на краю частного сектора. Когда-то здесь жил старик, чинивший велосипеды и продававший керосин. Теперь здесь была только тишина, покосившийся забор, обугленные стены и стёртая вывеска.

Это было его «если что». Не убежище и не план спасения, просто точка на карте, где можно было исчезнуть на сутки-другие, если всё пойдёт не по сценарию. Он готовил это место заранее. Потому что в его мире вопрос «а если?» всегда стоял рядом с риском:

«Если погоня».

«Если кто-то сдаст».

«Если сорвётся».

«Если выстрелит первым».

В углу, под старыми покрышками, лежал металлический ящик. Всё было на месте: кнопочный телефон, запаянный конверт, свёрток с документами. Никита достал телефон, включил. Экран мигнул: 76% заряда. Хватит. Он заряжал его заранее, потом держал выключенным. Это был его резервный выход не для связи, а для исчезновения.

Рядом лежал запаянный конверт с новой SIM-картой, без имени. Он открыл его, вставил карту в слот. Один номер — одна попытка. Света знала сигнал: незнакомый вызов без сообщений, без повторов. Они договорились об этом когда-то, на всякий случай. Тогда всё казалось игрой.

Обычно такие тайники заводят параноики или профессионалы. Никита был и тем, и другим. Он не думал, что придёт сюда именно так — выжженный, с трещиной в плече и грязью под ногтями. Но когда, шатаясь, толкнул дверь и увидел сумку, обрадовался. Он уже однажды спас себя, только задолго до того, как всё пошло к чёрту.

Никита держал телефон в руке, будто тот весил больше килограмма. Большая кнопка вызова была тусклой и стёртой. Он смотрел на неё долго и всё же нажал. Один гудок, длинный. Тишина. Второй. И вдруг послышался голос, родной и спокойный.

— Жив?

Не вопрос, а проверка факта.

— Пока, — выдохнул он.

— Где ты? — голос сестры чуть дрожал.

— Неважно. Слушай внимательно. Мне нужно, чтобы они подумали, что я сгорел. Что я был в той машине, на гонках.

Света замолчала. Никита слышал, как она делает медленный вдох, слишком долгий. Не потому что не поняла, а потому что поняла с первого слова.

— Там кто?

— Витёк. Он остался, сгорел.

— А ты?

— Я ушёл. Случай. В машине мои документы.

— И ты хочешь...

— Хочу, чтобы его похоронили как меня.

Снова пауза.

— Ник, это не шутка.

— Я знаю. Я больше не хочу быть тем, кем был. Помоги мне умереть. Официально.

— Что нужно делать?

— Ты медсестра, у тебя есть доступ, знакомые. Там будет тело. Без опознания надо, чтобы всё сошлось.

— ДНК?

— Да. Что-нибудь из моих проб. Действуй как сочтёшь нужным. Сделай так, чтобы Витька приняли за меня. Пусть отпечатки не берут, пусть не копают, пусть закроют дело как «понятную трагедию».

— Ник, ты с ума сошёл. Это незаконно. Понимаешь, чем это обернётся?

— Это свобода. Это жизнь. Это начало.

Никита услышал, как что-то скрипнуло, будто Света опустилась на стул.

— Ты же знаешь, я не спрошу, почему, — заявила она наконец.

— Спасибо тебе за это.

— Я сделаю всё, что смогу.

— Не надо больше, чем сможешь. Только чётко.

— Ты уверен?

Никита закрыл глаза.

— Я впервые чувствую, что это правильно.

Она не попрощалась, просто отключилась, а он остался в темноте. Один, без имени, с новой жизнью, родившейся из пепла.

***

В первые дни Никита почти не спал. Тело выживало на инерции, разум находился на отчуждении. Он просыпался от звуков собственного дыхания, вздрагивал от света, держал нож рядом с подушкой, хотя знал — никто его не ищет. Потому что все были уверены: он мёртв.

Света сделала всё, как он просил: подменила, замела, задокументировала. В протоколе было имя «Никита Серов», а в морге — тело, сгоревшее до неузнаваемости. Никто не полез глубже, никому не нужно было больше, а значит, всё получилось.

Год назад Никита заплатил хозяину старого ангара на окраине. Сказал, что оставит технику на хранение. Хозяин кивнул, взял деньги и больше сюда не заходил. Никита тогда и не планировал возвращаться. Просто знал: в жизни, где всё держится на случайностях, должен быть один угол, где можно исчезнуть.

Теперь этот угол стал спасением.

Он толкнул створку, и петли жалобно скрипнули. Внутри витал запах металла, пыли и застоявшегося воздуха. Тот же бетонный пол, покосившаяся балка, узкое окно под потолком, откуда падала бледная полоса света. Под брезентовым тентом стоял мотоцикл, его собственный, без номеров. Он сам его чинил, перебирал двигатель ночами, заменял детали и смазывал цепь. Когда-то это был просто запасной вариант, а теперь остался единственной дорогой.

Он снял тент, провёл ладонью по прохладному металлу. Всё было на месте.

Никита поставил армейскую раскладушку в угол, бросил куртку и несколько дней почти не выходил. Привыкал к тишине. Она была новой. Раньше тишина давила на него, теперь стала домом. Он врастал в неё, как дерево в землю.

Позже появился Ржавый — дальнобойщик, которому Никита когда-то спас груз от ограбления. Ржавый ничего не спрашивал, просто оставил ключи от старого вагончика у лесополосы.

— Живи. Там газ и печка работает. Тебя никто не найдёт, и я тебя не видел.

Этого было достаточно.

Иногда Никита выезжал ночью на старом, потрёпанном мотоцикле без номеров, в каске с затемнённым визором. Он ездил только ради того, чтобы купить еды, вдохнуть асфальт, почувствовать движение. Никита обходил старые улицы, не приближался к району Алины, не писал, не звонил, не дышал в её сторону. Но следил издалека, через старых знакомых. Один из них, Гриня, бывший хакер и недоучившийся программист, давно спился, но руки помнили, как подключать то, что другим не положено. Никита привёз ему пачку наличных.

— Надо смотреть за одним адресом. Камеры. Подъезды. Только глаз.

— Девочка?

— Не твоя.

Он настроил всё за день. Подключил удалённый доступ к внешним камерам охраны не напрямую, а через «серую зону». У Никиты на телефоне появился прямой эфир с калитки их дома. Он не включал звук, не приближал лицо, а только наблюдал.

Иногда он сидел у окна вагончика, зажимал сигарету между губами, не зажигая, и смотрел в экран. Она проходила босиком по террасе с чашкой кофе, иногда смеялась, иногда касалась листьев в саду. Он видел, как она улыбается Кириллу, как прислоняется к плечу Артёма. И внутри всё сжималось не от ревности, а от чего-то другого. От острого осознания, что он больше не в её мире. Он для всех мертв, и для неё тоже.

Он не знал, как объяснить это. Она никогда не была его. Они почти не говорили, не жили вместе, даже не целовались. Но в ней было то, чего он не видел ни в ком — лёгкость, честность, умение быть живой. С ней не хотелось притворяться, хотелось просто быть. Но рядом с ней уже были те, кто дышит, кто защищает, кто имеет право. Он не должен был мешать. Пока.

Никита стал тенью, что наблюдает не ради нападения, а ради защиты. Если кто-то нарушит её покой, он появится первым.

Иногда он шептал в пустоту:

— Я рядом. Не для тебя, для себя, потому что если исчезну, ты останешься в клетке, а я в пустоте.

Никита не хотел быть бурей в её жизни, он хотел быть выбором, дыханием, шансом, если всё рухнет. Хотел, чтобы она знала — есть путь, который не ведёт назад и не держит на цепи. Пока она жила свободно, он тоже чувствовал, что жив. И пока её мир оставался целым, он позволял себе быть лишь призраком с сердцем, которое всё ещё бьётся.

Глава 5.

Мужчины сидели в кабинете. Тёплое дерево стен, мягкий свет лампы, чашки, распечатки с камер — всё казалось безопасным. Но воздух был натянут, как струна перед разрывом.Кирилл смотрел в экран планшета. Артём курил прямо в помещении. Дым стелился между ними границей, недосказанностью.

— Он дразнит нас, — хрипло сказал Артём. — И ты позволяешь ему это делать.

— Я не позволяю, — ровно ответил Кирилл. — Я просто не бросаюсь на пустоту. У нас нет доказательств.

— Зато у нас есть глаза. И она. Ты видел её сегодня?

— Видел.

— Она разваливается, Кирилл. А ты сраный дипломат! Он издевается. Он рядом, а ты молчишь!

— Я не молчу. Я думаю.

— Пока ты думаешь, он дышит нам в затылок!

Кирилл поднял взгляд.

— И что ты предлагаешь? Поймать и избить? Как тогда?

— Тогда? — фыркнул Артём. — Тогда я должен был сломать ему череп. За то, что он думал о ней и за каждое его слово.

— Ты чуть не убил его!

— Да потому что ты помешал!

Кирилл встал. В голосе дрогнуло.

— Помешал? Я пытался остановить тебя, когда ты сорвался, как бешеный! Если бы я не встал между вами, он бы в реанимации лежал, в лучшем случае!

— И что? Лучше было бы.

— Лучше было бы, если бы ты хоть раз поставил её безопасность выше своих эмоций!

Алина стояла в коридоре. Она не слышала слов, только глухие удары голосов.Видела, как один прошёл мимо, не взглянув, а второй закрылся в кабинете.

В этот момент она перестала чувствовать себя женщиной, любимой, частью. Она была полем боя. Призом, за который идут ва-банк. Им обоим важно, чтобы она жила, но никто не спросил, жива ли она внутри. Это стало невыносимым.

Алина ушла на кухню. Села, поставила кружку, и даже не вспомнила, налита ли в ней вода. Уткнулась лицом в ладони. Её вдруг прорвало от бессилия, от этой бесконечной игры, где она главный объект, но без права выбора. Она заплакала тихо, судорожно, без крика, так, что внутри всё дрожало.

Кирилл услышал не громкий, но режущий всхлип. Он почти побежал. На кухне царил полумрак: огонёк плиты, слабый свет из окна. Алина сидела, сгорбившись над столом, будто пыталась уменьшиться до исчезновения. Плечи подрагивали, руки сжаты в кулаки. Это был не просто срыв, это был конец терпения. Конец веры, что они справятся.

Кирилл подошёл. Не знал, с чего начать. Присел рядом. Обнял медленно, осторожно, без слов. Просто прижал, как будто держал последнюю живую часть этого дома. Алина вцепилась в его свитер, как в спасательный круг.

— Я не могу, — прошептала она, и голос дрогнул, — Ты и Артём... вы как два хищника. Но вы оба забыли, ради кого всё это. Вы соревнуетесь кто ближе, кто спасает лучше, а я просто хочу дышать.

Кирилл молчал. Слушал.

— Вы друг друга не слышите, — продолжала она. — Не ищете компромисс. Каждый хочет быть правым и сильным. А я между вами как кусок земли, за который идут сражения.

— Ты не одна, — тихо выдохнул он. — Мы с тобой.

— Вы рядом, — она вскинула взгляд. — Но вы давите. Вы оба будто два стальных нерва, натянутых над моей головой. Один шаг, и взорвётесь.

— Я стараюсь... — начал Кирилл.

— Я не трофей, Кирилл! — перебила она. — Не слабое звено. Я просто устала. Хочу жить, дышать, быть собой, а не объектом охраны. Не хочу выбирать между вами, не хочу быть центром шторма. Я просто хочу покоя.

Она зарылась лицом в его грудь. Тело дрожало. Кирилл крепче прижал её к себе, положил подбородок на макушку. Он тоже дрожал, но молчал, потому что слов уже не хватало.

Она не боялась Никиту. Она боялась остаться одна между двумя друзьями, которые из любви теряли её.

***

Поздний вечер. Воздух в саду стоял густой, как перед грозой. Луна светила слишком ярко, будто нарочно высвечивая чужие лица и несказанные слова. Артём стоял у фонаря, облокотившись на перила. Курил. Кирилл находился чуть в стороне, руки в карманах, взгляд в землю. Они говорили шёпотом, напряжённо.

— Ты опять решил всё за неё? — Артём бросил окурок. — Думаешь, раз мягче говоришь, то имеешь больше прав?

— Я не решаю за неё, — отрезал Кирилл. — Я оберегаю.

— От кого? От меня или от себя?

— Ото всех, даже от тебя.

— Ты всё ещё думаешь, что она выберет тебя?

— Я вообще не думаю о выборе. Я думаю, как бы её не потерять.

— А я, как бы она вообще осталась жива, Кирилл.

Пауза, секунда и Кирилл шагнул ближе.

— Ты не слышишь ничего, кроме себя. Ты действуешь, будто один, но она не твоя.

— Твоя?

— Нет. Она ничья. Но если ты её сломаешь, я этого не прощу.

Артём вспыхнул.

— Я не Никита.

— Иногда ты не лучше.

И всё. Рвануло. Артём толкнул его не сильно, но с яростью. Кирилл ударил в ответ словом, но это было хуже:

— Ты не спасаешь её. Ты тот, кого она боится, когда ты злишься.

Они вцепились друг в друга не как враги, а как те, кто слишком долго делил одно пространство, чтобы теперь просто разойтись с миром. Звук тяжёлого дыхания, хруст под ботинками, сдавленные фразы.

И тут выбежала Алина в рубашке, босиком, волосы спутаны. Глаза мокрые от слёз и злости.

— Да вы что творите?! — закричала она. — Вы с ума сошли?!

Они обернулись. Оба. В миг застыли. Она стояла, дрожащая, будто не воздух, а гнев держит её вертикально.

— Сколько можно?! Вы хотите для меня защиты?! Так защищайте! Но не друг от друга! Не с кулаками!

Она вбежала между ними и начала лупить своими женскими кулачками по их телам, по рукам, куда попадала.

— Вы оба меня душите! Каждый по-своему! Один молчанием, второй напором! Я устала! Я не вещь, не знак вопроса, не флаг, за который дерутся! Я человек! Женщина! И я... я просто хочу, чтобы вы были рядом, а не превращали мою жизнь в поле боя!

Артём схватил её за запястья мягко, но крепко, притянул к себе, прижал.

— Всё, тихо... тише... все будет хорошо.

Она замерла у его груди, чуть дрожала. Он гладил её по спине, по волосам. Дышал рядом. Кирилл стоял, смотрел на них. Лицо мёртвое, только губы дрогнули. Он медленно развернулся, прошёл мимо. Не сказал ни слова, исчез в доме. Через минуту хлопнула дверь спальни.

***

Никита сидел, уставившись в монитор, где всё уже стихло: в саду даже листья, казалось, перестали шевелиться. Фонарь тускло мерцал, дверь дома заскрипела и закрылась, но в голове у него всё ещё звучал её крик, её рыдания, удары руками по телам тех, кто должен был её защищать. Никита не двигался и почти не моргал: внутри что-то хрустнуло, далёко и точно, как перелом.

— Всё так просто, — прошептал он себе. — Один толчок, одна статуэтка, один кулон, одно сообщение, и вы уже не герои, уже не опора, не щит. Готовы рушить изнутри свой союз.

Пальцы медленно пробежали по губам. Он слушал тишину, как слушают бой часов. В его голове вырисовывались лица: Кирилл — тот, кто устраивает охрану и схемы, кому проще выстраивать систему, чем смотреть людям в глаза, когда они рушатся; Артём — тот, кто рвёт и играет пожаром, но боится падения глубже, чем его собственная боль. И она — Алина: птица с подрезанными крыльями, которая всё равно помнит вкус ветра и умеет летать, даже если клетка украшена позолотой.

Он глубоко вдохнул. Слова рождались точно, как приказ самому себе:

— Я не собираюсь её похищать. Это не кража, если человек перестал быть своим в собственном доме. Это не преступление, если душа кричит о свободе. Я не хочу отнимать её у кого-то, я хочу вернуть ей её саму.

Никита посмотрел на экран, чуть наклонился, как будто так лучше слышал собственный план. Медленно опустил руку и нажал клавишу. Экран погас. Решение было принято.

— Ещё одно касание, — прошептал он, — и она сделает шаг: либо навстречу свободе, либо прямо с края.

Тишина ответила ему ровным, холодным эхом.

Глава 6.

«Ты устала. Я это вижу. Я не вхожу, н е мешаю.
Просто напоминаю: ты сильнее, чем они думают. И свободнее, чем сама веришь.
Если когда-нибудь тебе станет душно — я рядом. Молча. Просто... рядом.
Твоя бесконечность - Н.»

Алина сидела в кресле, сжимая в руке телефон. Экран внезапно вспыхнул. Незнакомый номер. Пальцы дрогнули, но она всё же открыла сообщение. Прочитала один раз, а потом перечитала снова. Грудь сжалась от странного, липкого чувства дежавю, словно этот невидимый отправитель знал её слишком близко, слишком точно. Она не ответила, не удалила сообщение и никому ничего не рассказала. Просто погасила экран и прижала телефон к груди, словно охраняя внутри его голос.

***

— У тебя точно сегодня нет ничего срочного? — спросил Кирилл, завязывая галстук на ходу.

— Всё по моей части пока заморожено. Два дня, и можно вернуться в ритм, — ответила Алина, поправляя ворот свитера.

— Значит, перерыв официально подтверждён, — вставил Артём, заглядывая в кухню. — Отдыхай, пей чай, гуляй. Можешь даже не открывать мессенджеры.

— Так вы меня списали, да? — попыталась пошутить Алина.

— Мы тебя оберегаем, — серьёзно сказал Кирилл. — И если решишь выйти, только с охраной.

Через час они уже разъехались. Кирилл поехал на встречу с охраной, Артём в офис. Алине нужно было всего ничего: аптека и магазин. Рома, охранник, был спокоен, неразговорчив. Подогнал машину, открыл дверь, промолчал всю дорогу.

Алина смотрела в окно. Мысли летали медленно, как чайки на ветру. Где-то в глубине всё ещё звенело сообщение от Никиты. Оно отпустило, но не ушло.

На подъезде к дому машина дёрнулась. Глухой хлопок.

— Чёрт... — выругался Рома. — Колесо. Шип, наверное, или стекло. Сейчас гляну.

Он вышел, обошёл машину, открыл багажник.

— Пять минут, Алина Сергеевна. В багажнике запаска, не переживайте.

Алина кивнула и тоже вышла. Неподалёку стояла старая лавка, за ней — узкий склон и кустарник, тропинка, ведущая в сторону леса. Место выглядело диким, но странно спокойным. Она села. Сложила руки на коленях, глядя в точку, где ветер колыхал траву.

Тело почувствовало раньше сознания. Спина напряглась. Воздух стал плотнее. Она повернула голову и увидела его. Никита стоял чуть поодаль: в кроссовой куртке, с расстёгнутым воротом, шлем в одной руке. Он поднял ладони, будто сдавался.

— Не бойся, Жасмин, — сказал тихо. — Я твой. Не враг, не призрак. Просто... друг.

Алина не двинулась, только осторожно кивнула. Он подошёл ближе, ровно на то расстояние, где уже чувствуешь дыхание, но ещё трудно дотянуться.

— Я здесь, потому что вижу, когда тебе больно, — продолжил он тише. — Не потому что шпионю, а потому что ты не просто женщина, ты буря. И когда эта буря затихает, я знаю: что-то идёт не так.

— Ты следишь за мной? — её голос был едва слышен.

— Да, — честно ответил он. — Потому что ты не умеешь просить о помощи. А я... умею приходить, когда необходимо.

Она сжала пальцы.

— У меня есть двое. Два сильных, настоящих мужчины. Я их люблю. Они моя семья. Ты зачем всё рушишь?

Он посмотрел прямо в глаза без злости, без тени колебания.

— Я ничего не рушу. Я просто напомнил, что строить нужно на крепком. Иногда достаточно одной трещины: их ошибки, твоего сомнения, чужого слова. Я просто ускорил момент правды, чтобы ты увидела — не всё так крепко, как кажется.

— Это не честно.

— А честно, когда ты не спишь по ночам, потому что не знаешь, кого из них не ранить?

Он сделал шаг ближе.

— Честно, когда ты притворяешься спокойной, чтобы не быть лишней. Жасмин... ты не лишняя. Ни для кого. Но со мной ты не часть игры, ты центр, её смысл.

Он положил ей в ладонь небольшой камень. Его пальцы лишь скользнули по её коже — тепло осталось, как тлеющий след.

— Я не зову тебя. Я просто напоминаю, что я есть. Когда воздух кончится, вспомни, кто умеет открывать двери, а не запирать.

Он повернулся и ушёл, только ветер остался, и биение в её шее, частое, пульсирующее, будто от предчувствия.

Позади щёлкнул домкрат. Рома поднялся, вытирая руки о тряпку:

— Всё готово. Можно ехать, — сказал он спокойно, даже не взглянув в её сторону.

Он не заметил ни второго дыхания в воздухе, ни взгляда из-за деревьев. Алина поднялась медленно, словно возвращалась не с лавочки, а из сна. В ладони лежал камешек, уже остывший, но тень тепла от его прикосновения осталась.

***

Дом спал. Артём в гостиной смотрел новости, делая вид, что слушает. Кирилл давно ушёл в спальню, но тусклый свет под дверью всё ещё горел.

Алина лежала в своей комнате, той самой, которую Кирилл и Артём настояли обустроить отдельно. Небольшая, светлая, с креслом у окна и тонкой белой шторой, она была редким островком, но необходимым. Иногда она спала с ними: часто — втроём, реже вдвоём. Но были дни, когда она не справлялась даже с их любовью. Когда тепло превращалось в давление, забота в удушье, а желание защитить в ощущение, что от неё ждут слишком многого. И тогда она уходила сюда, чтобы дышать, чтобы побыть одной, чтобы снова стать собой.

Сегодня был именно такой вечер. Алина лежала на боку, лицом к окну. Занавески тихо колыхались от сквозняка, прохладный воздух щекотал кожу, а тело будто лихорадило изнутри. Не от стыда и не от вины, а потому что всё внутри звенело, как нежные колокольчики.

На тумбочке стояли лампа, стакан воды и маленькая шкатулка, куда она аккуратно положила камешек перед сном. Обычный, холодный. И всё же казалось, он жил своей жизнью, словно знал, что стал символом, якорем или ловушкой.

Она осторожно открыла крышку шкатулки, достала камень, провела по его гладкой поверхности пальцами, а потом сжала в ладони. Так и осталась лежать, с кулаком под щекой, с тишиной в голове и пульсом, который не давал уснуть. Слова вертелись внутри, словно записанные на плёнку, и снова включались, стоило закрыть глаза: *«Ты не лишняя. Со мной ты — центр. Когда дышать станет нечем, вспомни, кто умеет открывать двери».*

Алина зажмурилась. В темноте ей будто снова явилось его лицо, чуть насмешливое, тёплое. В нём было что-то дикое, но не опасное... пока. Будто он держит зверя на цепи, но только ради неё. И страшно было не то, что он жив, не то, что следит, а то, что часть её души ждала этого присутствия, этой игры опасного доверия. Как возвращения запаха после дождя. Как легального безумия, которое можно позволить себе хотя бы раз, чтобы понять, кто ты на самом деле.

Она прижала камешек к груди.

— Только не ломай меня, — прошептала. — Если ты действительно меня чувствуешь, не ломай.

Но в ответ была лишь тишина. И всё же внутри что-то дрогнуло, как будто он действительно был рядом. Слышал. Молчал. Ждал.

Глава 7.

День клонился к вечеру, но жара не спадала. Солнце било наискосок, отсвечивая от гравия, прожигая стекло, распаляя металлические ручки дверей. Во дворе витал тёплый, почти детский запах — дым от углей, специи, что-то уютное, простое и будто бы не отсюда.

Кирилл стоял у мангала с щипцами в руках, задумчиво ворочил мясо. На нём надета простая футболка с короткими рукавами и шорты. Летний образ, почти расслабленный, но плечи всё равно зажаты, будто он готов к атаке, даже здесь, на собственной земле.

Артём развалился в плетёном кресле под навесом, одной рукой обхватил бутылку пива, вторую закинул за голову, нога на ногу. Внешне ленив, небрежен, но глаза слишком внимательны.

— Ты вообще в курсе, сколько стоила эта мебель? — проворчал Кирилл, не отрывая взгляда от мангала.

— Учитывая, что ты её выбирал месяц? Миллион нервов и половина твоей печени.

— Каблуками не пинай. Там ротанг, он нежный.

— Как твои чувства, — ухмыльнулся Арт.

Кирилл хмыкнул:

— Напомни мне, зачем я вообще тебя кормлю?

— Потому что без меня ты был бы тревожный зануда с гастритом и без вкуса к жизни.

— Без тебя я бы хотя бы спокойно жарил мясо, а не вспоминал, как кто-то орал во сне.

— Один раз было.

Кирилл бросил на него взгляд через плечо:

— Два.

— Первый не считается. Там комар укусил.

Они оба рассмеялись. Смех был настоящим, лёгким, как воздух после бури, но он быстро ушёл. Вечер снова налился тягучим молчанием. Кирилл перевернул последний кусок мяса, вдохнул:

— Всё равно не так. Чувствуешь?

— Ага, — тихо ответил Артём. — Словно это не дом, а клетка. И мы уже не знаем, кого в ней держим — её... или себя.

Кирилл хотел ответить, но дверь за его спиной хлопнула чуть громче обычного. Они обернулись.

Алина шла босиком по ступеням. На ней — лёгкая юбка и короткий топ, а плечи тронуты солнцем, будто кто-то пальцами прошёлся по коже. Волосы еле колыхались от лёгкого ветерка. Она не смотрела на них. Её взгляд был направлен за изгородь, туда, где кончается безопасная территория.

Артём поднял глаза первым.

— Эй, — позвал он мягко. — Иди сюда.

Она подошла. Он убрал бутылку, ладонью провёл по её бедру, медленно, почти извиняясь. Легко приобнял за ноги.

— Всё хорошо, — сказал почти шёпотом.

Кирилл бросил взгляд на них и отвернулся, сделав вид, что сосредоточен на мангале.

— Присаживайся, Али, — негромко сказал Кир. — Еда почти готова.

— Я не голодна, — её голос был спокойным, ровным. Но в этой ровности что-то дрогнуло. — Я просто хотела подышать.

Артём сжал её колено.

— Ты снова отдаляешься. Мы здесь, рядом, а ты будто за стеклом.

— Вы всегда рядом, — медленно произнесла она. — Вот только от этого становится душно.

Повисла пауза. Ветер качнул листву. Ни один из парней не пошевелился.

— Душно от чего? — спросил Кирилл, хрипло, как будто через силу.

— От того, что я больше не чувствую, где заканчиваюсь я и начинаются ваши страхи.Вы смотрите на меня, как на хрупкий сосуд. Разобьюсь, и осколки вам собирать, а я не хочу быть вашим хрусталём.

— Потому что ты уже трещишь, Али, — выдохнул Артём. — Мы это видим. Тебя почти нет.

Она отстранилась медленно, будто обжигаясь. Села напротив спокойно, решительно.

— Я просто живу, Арт. Просто живу, а вы как стены: надёжные, прочные, но я зажата между ними. Вы держите меня крепче, чем Никита когда-либо смотрел.

Кирилл напрягся. Артём поднялся резко, как от удара.

— Ты сейчас сравнила нас с ним?

— Нет... — слишком быстро произнесла Алина. — Я просто сказала, что вы слишком боитесь его. Будто он заразен, а он просто человек, просто мальчик.

— Просто мальчик?! — Артём шагнул ближе. Его голос стал густым, как приближающийся гром. — Этот мальчик «просто» инсценировал смерть, устроил спектакль с пеплом и теперь играет с нами, как хочет. Ты зовёшь это «просто»?

— Ник не тронул меня ни разу. Он был внимательным, осторожным. И... — она запнулась.

— Ты только что назвала его Ник?! — Артём зарычал. — Ты в своём уме, Алина? Ты понимаешь, как это звучит?

— Это просто имя.

— Нет, не просто. Это доверие. Это, чёрт возьми, тепло. Ты будто ждёшь его.

Кирилл медленно сел, вытер руки. Его лицо стало маской.

— Алина, — произнёс он тихо. — Только честно. Ты вообще хочешь, чтобы мы его нашли?

Она посмотрела на них. Двое сильных, надёжных, как колонны, как щит. И вместе с тем как клетка, из которой нельзя уйти.

— Я не хочу крови, — прошептала Алина. — Я не хочу, чтобы вы сожрали друг друга и, тем более, меня.

Артём усмехнулся без веселья.

— Не переживай. Разберёмся аккуратно, без крови. Если только ты не встанешь между нами и этим ублюдком.

Она вскинула голову, в её взгляде запылало пламя.

— Ты серьёзно сейчас?

— А что? — голос стал острым, как нож. — Ты уже оправдываешь его. Называешь Ником. Ласково так. Защищаешь и при этом хочешь, чтобы мы стояли в стороне и молча смотрели, как он опять лезет в твою жизнь, в нашу жизнь?

— Ты... — она задыхалась. — Вы оба не слышите. Я говорю: я трещу! А вы рычите друг на друга, как волки! Вам важнее, кто из вас прав, чем как мне больно!

— Потому что мы видим, как ты исчезаешь! — взорвался Артём.

— Пошли вы оба, — сказала она, не крича, но с такой силой, что слова ударили по ним, как плеть. — Я больше не могу. Не могу жить между вами, как военный трофей, как повод для драки.

Она встала резко, почти побежала к дому. Дверь её комнаты закрылась бесшумно, но в этой тишине хлопок был бы тише.

***

Мясо уже не шипело, только тлело, покрываясь тонкой хрупкой коркой.Ветер разносил пепел по плитке, как будто пытался стереть не следы ужина, а остатки сказанного — слов, от которых теперь хотелось отмахнуться.

Где-то в листве на кроне дерева едва заметно мигнула крошечная камера. А далеко, за километры отсюда, в комнате с экранами и тишиной, Никита откинулся на стуле и глубоко выдохнул.

Он поставил чашку на край стола, взял пульт и медленно прокрутил запись назад. Звук не громкий, но достаточно отчётливый. Он слушал, как она отступает, как двое других спорят, как в её голосе и взгляде с каждой минутой становится всё меньше веры.

— Всё, — шепчет он, не улыбаясь. — Это не я её ломаю, это они. Я просто подберу, когда станет совсем темно.

Он чуть усмехнулся, уголком губ. Положил ладонь рядом с чёрным телефоном без симкарты.

— Пора.

***

Субботний вечер тянулся вязко. Солнце уже садилось, но внутри всё ещё пульсировало. И не от жары, а от тяжёлого разговора, которого не должно было случиться. Про шашлыки все забыли, но дымка стояла не во дворе, а словно застряла в голове, где всё ещё тлели эмоции.

Алина сидела у себя в комнате, на своей личной территории, где можно было хотя бы на минуту перестать быть чьей-то. Телефон она держала в руке, а пальцы лениво листали ленту соцсетей: вверх, вниз, снова вверх. Она не читала текст и не вникала в картинки, просто механически заполняла паузы этим движением.

Дверь тихо приоткрылась. Кирилл вошёл и неуверенно остановился на пороге, потом сел рядом.

— Я не сержусь, — сказала она, не поднимая глаз.

— Я знаю, — так же тихо ответил он. — Мы... перегнули. Мы хотели как лучше, но получилось, как всегда.

Она медленно повернула голову, взглянула на него: глаза усталые, чуть припухшие, но не злые.

— Кир, я вас люблю всей кожей, каждой жилкой. Но это уже не про чувства, это про кислород. Я не могу выйти одна: йога под контролем, магазин под надзором, сон под наблюдением. Я дышу, будто у меня расписание и фильтр в лёгких и я с ума схожу от этого.

Он опустил глаза. Пальцы на коленях нервно дёрнулись, потом сжались в кулаки.

— Я хочу съездить к Лере на выходные. Просто побыть с ней. Поболтать, поспать в другой обстановке, посмотреть фильмы не боясь, что кто-то где-то подслушивает. Я прошу только на один день.

Он смотрел на неё молча, боялся, что ответ разрушит хрупкое равновесие.

— Одна? — спросил он, почти хрипло.

— Я буду с Лерой, но без охраны, без машин с затонированными окнами. Я обещаю каждые два часа присылать видео, голосовые, координаты, что хотите. Но, пожалуйста,пусть хоть этот день будет без тени за плечом.

На пороге появился Артём. Он стоял, опираясь на косяк. Лицо напряжённое, взгляд колючий, но в нём была не злость, а что-то другое: усталость, страх, признание.

— Хотя бы пусть у подъезда кто-то будет, — бросил он.

Алина подняла глаза и покачала головой тихо, уверенно.

— Нет. Только я и Лера, и молчание. Я просто хочу перезагрузиться, пока у меня ещё есть кнопка «вкл». Обещайте.

Тишина повисла, как пауза перед бурей, а потом последовал медленный кивок.

— Мы отвезём, — произнёс Кирилл. — И не забудь: каждые два-три часа, и держи зарядку под рукой.

Алина медленно кивнула в ответ. В этом кивке была не покорность, не благодарность, а лёгкое облегчение, как будто на секунду она снова стала собой настоящей, живой, свободной.

***

Кирилл и Артём вышли из машины первыми. Солнце клонилось к горизонту, и в его мягком свете трое казались на мгновение обычными, как будто всё ещё можно было повернуть вспять.

Кирилл подошёл к Алине первым. Обнял крепко, чуть дольше обычного. Перед тем как поцеловать в губы, склонился ближе и прошептал:

— Я тебя люблю, очень. Просто помни об этом. Всегда.

Потом — Артём. Его объятие было другим: сильным, сдерживающим. Он прижался губами ко лбу, потом к виску, и, наконец, коснулся её губ. Взгляд не отрывался от её глаз:

— Я люблю тебя. Даже когда злюсь, даже когда не понимаю.

Она кивнула, с трудом сдерживая дрожь. Попыталась улыбнуться, и в этот раз получилось почти по-настоящему.

Лера, стоявшая на крыльце, подмигнула им с лёгким озорством:

— Обещаю — отмою, напою, верну в строй. Душевное равновесие гарантировано.

Алина махнула на прощание. Кирилл и Артём не ушли сразу. Они стояли, пока за девчонками не захлопнулась дверь.

***

Квартира Леры дышала теплом: яркие подушки, гирлянда над рабочим столом, кашпо с зеленью. Дом, где можно не бояться быть собой. Девочки сидели на полу, укутавшись в плед, с бокалами вина. Воздух был тёплым, молчание добрым.

— Я правда не знаю, что со мной, — прошептала Алина, глядя в бокал с вином. — Как будто сердце разрывается пополам. Никита пугает, но тянет. Это больно и в то же время живо до самых кончиков пальцев.

— Ты просто истощена, — сказала Лера, мягко наливая ещё вина. — Ты в эпицентре урагана, а всё, чего хочешь, это тихий берег, и это абсолютно нормально. Любая бы на твоём месте этого захотела.

Алина кивнула. Потом достала телефон, сделала снимок их двоих, под пледом, с вином и уставшими, но живыми лицами. И отправила в общий чат: «Всё хорошо. Мы с Лерой под вином и пледом. Уже соскучилась. Завтра снова будем вместе, как бы ни было сейчас нелегко. Люблю вас». Поставила сердечко, потом ещё раз перечитала сообщение и улыбнулась. Хоть и на секунду, но искренне.

И тут послышался стук в дверь. Лера приподнялась, бросив на неё взгляд:

— Мы никого не ждём, наверное, курьер ошибся или сосед пришёл за солью, как обычно.

Алина осталась на месте, но внутренне сжалась. Через несколько секунд в прихожей раздался глухой звук, как будто что-то тяжёлое упало или кто-то. Алина резко встала, пошла вперёд. Всё происходило будто в вязком сне. Остановилась в дверях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.